

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

УДК 1(091)

Е.В. Борисов

О СЕМАНТИКЕ КОМПАРАТИВНЫХ ПРЕДИКАТОВ¹

Рассматривается числовая и объектная интерпретация компаративных предикатов. Демонстрируется, что применительно к повседневной речи объектная интерпретация во многих случаях предпочтительна. В качестве примера анализируется шутка Рассела о яхте из статьи «Об обозначении».

Ключевые слова: компаративный предикат, объектно-числовая функция, числовая интерпретация, объектная интерпретация, Рассел, Крипке, яхта.

Компаративные предикаты, такие как «больше», «выше», «толще», в их повседневном употреблении допускают две интерпретации, которые я буду называть числовой и объектной. Числовая интерпретация использует объектно-числовые функции, приписывающие объектам количественные характеристики: длину, высоту, массу, размер обуви и т.п. Например, при числовой интерпретации предиката «больше» мы понимаем предложение «А больше В» в смысле «размер² А больше, чем размер В», т.е. в смысле отношения между числами. Объектная интерпретация не использует объектно-числовых функций, поэтому при объектной интерпретации мы применяем компаративные предикаты непосредственно к объектам, т.е. сравниваем не числа, а вещи. Тезис статьи состоит в том, что применительно к повседневной речи объектная интерпретация компаративных предикатов во многих случаях предпочтительна, поскольку использование объектно-числовых функций приводит к контр-интуитивным следствиям.

В качестве отправной точки рассматривается шутка о яхте из работы Рассела «Об обозначении» и критический комментарий Крипке на соответствующий пассаж. В первой части статьи воспроизводится и дополняется критический аргумент Крипке против числовой интерпретации шутки о яхте; во второй части обосновывается релевантность объектной интерпретации.

1. Шутка Рассела и комментарий Крипке

Различив в статье «Об обозначении» первичное и вторичное вхождение обозначающей фразы в пропозицию, Рассел иллюстрирует это различие следующим образом:

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 11-03-00039), РФФИ (проект 12-06-00078-а), в рамках выполнения задания Минобрнауки РФ на проведение научных исследований (тематический план НИР Томского государственного университета, проект № 6.4832.2011) и в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы» (госконтракт № 14.В37.21.0986).

Первая редакция статьи обсуждалась на заседании теоретического семинара кафедры истории философии и логики Томского государственного университета. Автор признателен участникам семинара за продуктивную дискуссию.

² Здесь и далее будем считать, что термин «размер» определен однозначно.

«Я слышал об обидчивом владельце яхты, которому гость, впервые её осмотревший, заметил: ‘Я думал, ваша яхта больше, чем она есть’, и владелец ответил: ‘Нет, моя яхта не больше, чем она есть’. То, что подразумевал гость, было: ‘Размер, который, как я думал, имеет ваша яхта, больше, чем размер вашей яхты’, смысл, приписанный ему, был: ‘Я думал, размер вашей яхты, больше, чем размер вашей яхты’¹» [1. С. 28].

В основе шутки лежит очевидная игра слов. Исходная реплика гостя

(1) Я думал, ваша яхта больше, чем она есть

допускает двоякое прочтение:

(2) Размер, который, как я думал, имеет ваша яхта, больше, чем размер вашей яхты.

и

(3) Я думал, размер вашей яхты больше, чем размер вашей яхты.

Хозяин яхты, обидевшись на реплику (1), отказывается применить к ней принцип Charity и дает ей абсурдное (хотя лингвистически возможное) толкование (3), что и демонстрирует своим ответом. Ради краткости представим высказывания (2) и (3) формулами²:

(2') $\exists x (\text{Bel } x=s(Y)) \ \& \ x>s(Y)$

(3') $\text{Bel } \exists x \ x=s(Y) \ \& \ x>s(Y)$.

С. Крипке [2. Р. 1021–1022] справедливо отмечает, что интерпретация реплики гостя (1) посредством пропозиции (2) содержит в себе контринтуитивный момент: эта интерпретация означает, что до визита на яхту гость имел определенное представление о ее размере (допустим, он думал, что яхта имеет размер 35,3 метра). Отметим, что при такой интерпретации в формуле (2') используется числовая переменная. Однако очевидно, что эта импликация избыточна: гость мог заметить, что яхта меньше, чем он думал, не имея определенного нумерического представления о ее размере. Поэтому, заключает Крипке, расселовский анализ реплики (1) некорректен.

Я нахожу этот критический вывод убедительным и хочу дополнить его следующим соображением. Переменную в (2) и (2') можно трактовать как переменную не для чисел, а для числовых интервалов: допустим, гость думал, что яхта имеет размер 30–40 метров. Это, конечно, лучше соответствует феноменологии глазомера: если представление о точном размере вещи нам, как правило, дает лишь ее маркировка или спецификация, то более или менее расплывчатое интервальное представление мы имеем почти всегда. Однако это ничего не меняет в семантике компаратива: как будет показано ниже, любые представления о размерах вещей – как числовые, так и интервальные – могут быть избыточными и нерелевантными при употреблении компаративных предикатов. Кроме того, интервальная интерпретация переменной порождает дополнительную трудность, связанную с необходимостью специально-

¹ Перевод скорректирован в одном незначительном пункте: в цитируемом издании напечатано: «Я слышал от обидчивого владельца...»

² Будем использовать следующие символы:

Y = (данная конкретная) яхта

s(x) = размер объекта x; соответственно, s(Y) = размер Y.

«Bel p» означает «гость до визита на яхту думал, что p» — или, если мы воспроизводим реплику гостя от первого лица — «я до визита на яхту думал, что p».

го определения отношения «больше» как отношения между интервалами. Например, можно свести его к числовому отношению «больше» между серединами интервалов (середина интервала – это среднее арифметическое его концов). Однако кажется очевидным, что это определение неприменимо при интерпретации повседневной речи: если бы, говоря «больше», мы имели в виду отношение между интервалами в указанном смысле, то всякому употреблению этого предиката предшествовала бы: 1) оценка интервалов сравниваемых объектов, 2) вычисление их середин; 3) сравнение полученных величин. То есть употребление слова «больше» было бы возможно лишь на основе довольно трудоемкой калькуляции, и дети осваивали бы его не раньше, чем операцию деления. Мне кажется сомнительным, что отношению «больше» для числовых интервалов можно дать феноменологически убедительное определение, подходящее для интерпретации повседневного употребления компаративных предикатов. Но даже если бы это было сделано, это не повлияло бы на нижеследующий тезис о возможности объектной интерпретации компаративных предикатов.

II. Объектная интерпретация компаративных предикатов

Процитированный фрагмент из статьи Рассела делится на 2 части: экспозицию шутки и ее экспликацию, или анализ. Воспроизведем цитату еще раз с разбиением на части.

Экспозиция: «Я слышал об обидчивом владельце яхты, которому гость, впервые её осмотревший, заметил: ‘Я думал, ваша яхта больше, чем она есть’, и владелец ответил: ‘Нет, моя яхта не больше, чем она есть’».

Экспликация: «То, что подразумевал гость, было: ‘Размер, который, как я думал, имеет ваша яхта, больше, чем размер вашей яхты’, смысл, приписанный ему, был: ‘Я думал, размер вашей яхты, больше, чем размер вашей яхты’».

В экспозиции дана реплика гостя (1) и ответ хозяина; в экспликации представлены два ее прочтения: (2) и (3). Отметим существенное для нас различие между этими частями: в (1) гость *не* говорит о размере яхты; слово «размер» появляется только в (2) и (3). Это обстоятельство дает повод, согласившись с критикой Крипке, отнести ее только к *авторскому анализу* шутки¹ и поставить вопрос о возможности ее альтернативного анализа. Ниже я попытаюсь дать феноменологически убедительную, т.е. соответствующую нашим интуициям о семантике компаратива, экспликацию, в которой речь пойдет о яхте и других *вещах*, но не о *размерах* вещей.

Экспликация, которую я предлагаю, базируется на следующей феноменологической предпосылке: во многих случаях (конечно, не во всех) *компаративные предикаты могут применяться к вещам непосредственно*, т.е. без использования объектно-числовых функций. Например, мы можем видеть

¹ Вооружившись читательской введливостью Крипке, отметим, что свой критический вывод он формулирует неоднозначно: он говорит о неудачности *шутки* (joke – p. 1021), некорректности ее *анализа* (analysis – p. 1022) и неудачности *примера* (example – p. 1022). Из этих трех формулировок лишь вторая представляется мне адекватной: конечно, в шутке Рассела есть своя соль, и она вполне отчетливо иллюстрирует различие между первичным и вторичным вхождением обозначающей фразы, поэтому она удачна и как *шутка*, и как *пример*. Предметом критики здесь может быть только семантический *анализ* приведенного диалога.

(или воображать), что Иван выше Петра, не имея никакого представления о росте каждого из них: в этом случае мы сравниваем не *рост* Ивана и *рост* Петра, но самих этих индивидов. Конечно, в большинстве случаев, когда мы говорим «А больше (выше, длиннее, тяжелее...) В», мы имеем некоторое, пусть даже весьма приблизительное, представление о размере (высоте, длине, массе...) А и В. Так, в нашем примере мы имеем некоторое представление о росте Ивана и Петра. Однако эти количественные (будь то числовые или интервальные) представления во многих случаях *избыточны* и *нерелевантны*.

1. Они *избыточны* в тех случаях, когда отношения «больше», «выше» и т.п. можно видеть непосредственно (без использования рулетки или глазомера): когда А *заметно* больше В. В этом случае нет нужды эксплицировать высказывание «А больше В» в смысле «Размер А больше размера В».

2. Наши представления о размерах сравниваемых вещей *нерелевантны*, когда они настолько приблизительны, что не могут использоваться для обоснования или опровержения сравнительного высказывания. Приведем пример: человек, впервые оказавшийся в горах, не сможет оценить высоту скалы в метрах, но легко может увидеть, что скала А выше, чем скала В. Конечно, он может понимать, что обе скалы имеют высоту не менее десятка метров и что каждая из них не выше Джомолунгмы, но это представление о высоте сравниваемых скал чересчур приблизительно, чтобы быть релевантным для сравнения. Иначе говоря, эти представления о размерах А и В совместимы как с высказыванием « $s(A) > s(B)$ », так и с высказыванием « $s(A) < s(B)$ ». Другой пример: мы рассматриваем через микроскоп некоторый препарат и видим, что вон тот пузырек воздуха значительно больше, чем вот этот эритроцит; конечно, мы можем констатировать это, не имея специальных знаний о размерах клеток или увеличении микроскопа и т.п.¹

Итак, если эту феноменологическую картину положить в основу анализа сравнительных высказываний, то мы получим сугубо *объектную* (без использования объектно-числовых функций) семантическую трактовку компаративных предикатов, при которой они применяются к объектам непосредственно. Эта картина кажется интуитивно убедительной, когда речь идет о сравнении *двух* объектов, при этом наиболее прозрачен случай, когда мы видим два объекта *одновременно* и *рядом*, как в примерах со скалами или препаратом для микроскопии. Однако в реплике (1) яхта сравнивается не с другим объектом, но с нею самой: яхта, *как гость ее представлял ранее*, сравнивается с нею же, *как она есть*. Особенность данного сравнения состоит в том, что: 1) оно не ограничивается банальной констатацией, что $a=a$, но выражается посредством предиката «больше» и 2) речь идет о сравнении двух «ипостасей» (имагинаторной и действительной) одного и того же объекта, которые не могут быть даны в едином акте восприятия или воображения. Какова феноменологическая специфика такого рода сравнения и влияет ли она на семантику компаративных предикатов?

¹ Конечно, эта картина не универсальна. Мы можем иметь представление о размерах сравниваемых вещей, и сравнение, базирующееся на этом представлении, может дать иной результат, нежели сравнение «на глаз»: например, ближняя гора может казаться более высокой, чем отдаленная, но мы можем знать, что последняя выше. Таким образом, наши представления о размерах вещей (числовые или интервальные) в *некоторых случаях* существенны и релевантны.

На мой взгляд, феноменологическая специфика сравнения двух «ипостасей» объекта состоит в том, что оно опосредовано другим объектом – называем его *образцом для сравнения*, – с которым мы сравниваем первый объект сначала в воображении, затем в действительности (и получаем разные результаты). Такое сравнение было бы невозможно, если бы мы рассматривали объект в изоляции, вне его связей и соотношений с другими объектами. Рассмотрим пример: мы впервые видим человека, с которым заочно хорошо знакомы, и говорим ему: «Я думал, ты выше». С кем или чем мы сравниваем нашего собеседника, используя предикат «выше»? Если допустить, что мы сравниваем его с ним самим, то наш собеседник может ответить: «Нет, я не выше себя самого» уже не в шутку, а в неподдельном испуге. Стало быть, мы сравниваем его с чем-то еще – с некоторым образцом. Если так, то наша реплика может означать:

– я думал, ты выше Павла, но ты оказался ниже (или одного роста);

– я думал, чтобы пройти в эту дверь, тебе придется пригнуться, а ты прошел свободно, не задев косяка даже шляпой;

или что-либо подобное. В первом случае в качестве образца для сравнения выступает Павел, во втором – косяк двери. Аналогичным образом можно дать серию возможных феноменологических интерпретаций реплики (1) из расселовского сюжета, например:

– гость думал, что яхта примерно равна по размеру вон тому крейсеру, но обнаружил, что на самом деле она заметно меньше;

– гость думал, что яхта не поместится у этого пирса, а она поместилась, и еще осталось свободного места на добрый баркас.

Во всех такого рода интерпретациях предикат «больше» применяется к двум объектам — яхте в одной или другой «ипостаси» и некоторому образцу для сравнения. Предикат равенства применительно к объектам можно определить феноменологически независимо от предиката «больше» (как видимое отношение между вещами) или через «больше»: $a = b \stackrel{\text{df}}{=} \sim a > b \ \& \ \sim b > a$. В приведенных примерах сравнение имеет следующую форму:

(4) $(\text{Bel } Y=C) \ \& \ Y < C$, где «C» означает «вот тот крейсер»;

(5) $(\text{Bel } Y > P) \ \& \ Y < P$, где «P» означает «этот пирс».

Очевидно, возможны и иные формы сравнения, например:

(6) $(\text{Bel } Y > X) \ \& \ Y = X$, где X — некоторый определенный объект.

Или: гость думал, что яхта *значительно* больше того баркаса, а оказалось, что незначительно – и т.п.

Конечно, в высказывании (1) не содержится явного указания на определенный образец для сравнения, и гость мог не подразумевать такового явным образом, поэтому эксплицировать (1) в смысле (4), (5) или (6) было бы некорректно. Корректной экспликацией (1) является, на мой взгляд, экзистенциальное обобщение (4), (5) или (6). Возьмем в качестве примера экзистенциальное обобщение (5):

(7) $\exists x (\text{Bel } Y > x) \ \& \ Y < x$.

Эта интерпретация не означает, что гость, делая свое высказывание, имеет в виду некий фиксированный образец для сравнения: она приписывает гостю более общее мнение о существовании одного или нескольких предме-

тов, которые могли бы выступить в качестве образца для сравнения и относительно которых (7) истинно.

Итак, в качестве альтернативы расселовскому анализу реплики (1) я предлагаю (7). Соответствующую интерпретацию получает и та шутивная атрибуция мнения, которая имплицитно звучит в ответе хозяина яхты:

(8) Bel $\exists x Y > x \ \& \ Y < x$ (гость якобы думал, что есть на свете объект, по сравнению с которым яхта и больше, и меньше).

Резюме

Числовая интерпретация шутки Рассела выражается в формулах (2') и (3'), объектная – в формулах (7) и (8). Последняя отличается от первой в следующих пунктах:

1) в формулах (7) и (8) «х» – это не числовая, но объектная переменная (соответственно, здесь вместо символа «s(Y)» используется символ «Y»);

2) предикаты «>» и «=» означают не числовые отношения, но видимые (воспринимаемое визуально, тактильно и т.п.) отношения между объектами.

Достоинство предложенной экспликации очевидно: в ней не используется понятие «размера» как предметно-числовой функции и, соответственно, она не содержит в себе отмеченного Крипке контр-интуитивного момента.

Здесь возможно *возражение*: хотя предложенная экспликация не использует объектно-числовых функций, она тем не менее вводит дополнительный объект (крейсер, пирс...) как образец для сравнения, о котором, однако, гость *явным образом* не говорит. В этом пункте предложенная экспликация тоже (как и авторская) отходит от экспозиции шутки — от буквального текста исходных реплик гостя и хозяина. Это возражение, таким образом, ставит под вопрос не столько предложенную феноменологию сравнения и соответствующую семантику компаративных предикатов, сколько необходимость их применения в данном случае, т.е. это возражение не со стороны феноменолога, а со стороны читателя, склонного к герменевтической экономии. *Ответ*: я считаю принцип герменевтической экономии продуктивным, однако его ригористическое применение к расселовскому сюжету означало бы, что гость сравнивает яхту именно с яхтой, т.е. сделало бы фактом то, на что хозяин в своей ответной реплике намекнул в шутку. Неслучайно Рассел в своей экспликации использует дополнительный элемент – множество чисел (или интервалов) и объектно-числовую функцию «размер». При этом стоит заметить, что понятие «размер» тоже (как и объектная интерпретация) имплицитно вводит некоторый дополнительный объект для сравнения – единицу измерения (метр, ярд...): строго говоря, в формулах (2') и (3') вместо s(Y) должно стоять s(Y, u), где «u» означает используемую единицу измерения. Таким образом, объектная интерпретация сравнительных предикатов: 1) более экономична, чем числовая, в онтологическом плане, поскольку обходится без категории чисел/интервалов; 2) использует категорию объектов не более точно, чем числовая, поскольку понятие образца для сравнения используется в обеих интерпретациях.

В статье [3], опубликованной в данном выпуске журнала, В.А. Суровцев выдвигает еще несколько возражений против объектной интерпретации компаративных предикатов в ряде контекстов (к которым относится и шутка Рассела) и предлагает альтернативное толкование такого рода контекстов, кото-

рое называет «менталистской экспликацией». На мой взгляд, как возражения В.А. Суровцева, так и предлагаемая им «менталистская экспликация» шутки Рассела имеют определенные дефекты. Например, бросается в глаза тот факт, что в высказывании (1''), которое В.А. Суровцев представляет как реплику гостя в «менталистском» прочтении, гость: 1) атрибутирует себе противоречивое мнение; 2) ограничивается этой атрибуцией, ничего не говоря собственно о яхте. Оба эти момента, по моему мнению, не соответствуют смыслу шутки. Тем не менее развернутые в этой статье выкладки заслуживают внимательного критического разбора, поскольку они: 1) показывают ряд ограничений на числовую и объектную интерпретации компаратива; 2) тематизируют интересные с феноменологической точки зрения случаи употребления компаратива (например, употребление, апеллирующее к воспоминаниям детства); 3) обращают внимание, если я правильно понимаю интенцию автора, на специфическое отношение между пропозициональным и прагматическим аспектами содержащего компаратив речевого акта. Я планирую обсудить недостатки и продуктивные моменты работы В.А. Суровцева в одном из ближайших выпусков журнала.

Литература

1. *Рассел Б.* Об обозначении // Рассел Б. Избранные труды: пер. В.А. Суровцева. Новосибирск, 2007. С. 17–32.
2. *Kripke S.* Russell's Notion of Scope // *Mind*, 2005, Vol. 114, № 456. P. 1005–1037.
3. *Суровцев В.А.* Шутка Б. Рассела о величине яхты и некоторые замечания о семантике компаративных предикатов // *Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология.* 2013. № 2(22).